

Показана взаимосвязь социологического (Ч. Миллс) и географического (Д. Харви) воображения, формирующих дискурсивную дихотомию городского планирования. Артикуляция географического воображения сопряжена с доминированием «абстрактных систем» политики и экономики (пример Доклендса в Лондоне) и для горожан чревата «вненаходимостью», утратой «чувства места». Социологическое воображение обусловлено вниманием к хрупкой социальной топологии (пример Стайвесант-тауна в Нью-Йорке) и направлено на социально ориентированные проекты. Раскрыт потенциал предложенного П. Хили «совместного планирования» (Кони-стрит и верфи Габриэля в Лондоне) для интеграции двух форм воображения.

Ключевые слова: ландшафт; конструирование; планирование; «бездомность»; «вненаходимость»; чувство города. /

The article illustrates the relationship of the sociological (Ch. Mills) and geographical (D. Harvey) imaginations that form the discursive dichotomy of urban planning. The articulation of geographical imagination is associated with the dominance of 'abstract systems' of politics and economics (the example of Docklands in London) and is fraught with 'inaccessibility' for citizens, the loss of a 'sense of place'. The sociological imagination is driven by attention to a fragile social topology (the example of Stuyvesant Town in New York) and is aimed at socially oriented projects. The article reveals the potential of Healy's 'joint planning' (Coney Street and Gabriel Shipyards in London), which was proposed to integrate two forms of imagination.

Keywords: landscape; construction; planning; spacelessness; placelessness; feeling of the city.

Географическое и социологическое воображение в дискурсе урбанизма / Geographical and sociological imagination in the discourse of urbanism

текст
Алина Костина
 Московский городской педагогический университет
 text
Alina Kostina
 Moscow City University

Введение

Конструирование городских проектов требует работы в многомерной системе координат, где необходимо учитывать исторические, социальные и пространственные наследия города. В городском планировании одновременно воплощаются способность к реконструированию, актуальному критическому анализу и прогнозированию того, как социальное производство влияет на характер формируемой городской среды. Городскому планировщику при этом требуются навыки по «менеджменту продукта <...> то есть менеджменту организации пространства» [1, с. 7]. В данном контексте в городском планировании особую роль приобретает воображение, поскольку оно на фундаментальном уровне тесно связано с получением знаний о городе и проектированием его пространственной и социальной топологии. Сначала, по определению М. Серто, «скрытое место, которое создает для себя воображение, объективируется, трансформируется в пространственную и картографическую реальность» [2, с. 126].

Контрверза упрямой материи и привносимых социального, политического и экономического содержания заставляет по-новому смотреть на устоявшийся пространственный дискурс города и формировать новый. Отсюда – необходимость рассмотрения двух категорий: географического (пространственного) и социологического (или социально-исторического) воображения. Превалирование одного или другого вида воображения становится толчком для конструирования двух различных дискурсов в проектах городского планирования.

Дэвид Харви, рассуждая на тему методологических вызовов исследования городского пространства [3], указывает на сложность его изучения, связанную одновременно с пространственным и социальным характером анализируемых процессов. Для лучшего понимания места индивида в городской среде он предлагает синтетически использовать понятия социологического и географического воображения. Первое, введенное Чарльзом Миллсом [4], связано с личным опытом человека в рамках определенных обстоятельств и спецификой заданного исторического периода. Географическое воображение (понятие используется в интерпретации Д. Харви)

при этом связывается с индивидуальным пониманием роли пространства и места в личной биографии наряду с природой взаимодействия людей и институций, специфично проявляющихся под влиянием городской среды. Второй вид воображения сопряжен с сильно артикулированной территориализацией городов, когда районы дифференцируются за счет их социально-экономической и социокультурной составляющих. Такое воображение помогает определять «свою» территорию. Эти два вида воображения могут пересекаться и быть не сбалансированными в отдельных проявлениях: довлеющее социологическое воображение может сосуществовать с беспространственным ощущением жизни, и, наоборот, мощное пространственное сознание без понимания происходящих социальных процессов особенно остро может проявиться в создании проектов архитектуры и дизайна, не соответствующих характеру окружающей среды.

Цель данной статьи – понять и дифференцировать значимость географического и социального воображения в городском планировании. Практическими примерами для рассмотрения заявленной цели служат реализованные в Лондоне и Нью-Йорке проекты строительства и реконструкции таких общественных и частных пространств, как Стайвесант-таун (Нью-Йорк), Доклендс, Кони-стрит и верфь Габриэля (Лондон).

Две формы воображения в дискурсе планирования города

По утверждению Дж. Фридмана, городское планирование оперирует между радикальным намерением трансформации, поддержанием функционала и управлением городами [5]. Более того, сама традиция планирования пережила череду кризисов, один из которых, наиболее фундаментально значимый, связан с пребыванием «в ловушке модернистского инструментального рационализма» [1, с. 7]. Сегодня в этот синтез интегрируются достижения нейронауки, раскрывающие взаимосвязь восприятия крупных структурных визуальных объектов – продуктов инженерного искусства – и географического воображения, эстетического опыта и связанных с этим особенностей работы сознания [6]. При этом в рамках социально-пространственных исследований можно

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

говорить о конкретных пространственных формах, «стремящихся институциализировать и определить будущее развитие социального процесса» [3, с. 27].

Одной из самых сложных исследовательских задач становится сбалансированное применение как пространственного, так и социологического воображения. П. Хили, поддерживая идею принципиальной значимости социологического воображения, подчеркивает, что именно интерсубъективность социального мира, в котором мы живем, отражает как понятие коммуникативного действия в традиции Ю. Хабермаса [7], так и институциональную интерпретацию социальной жизни, разработанную Э. Гидденсом [3, с. 96]. Более того, подчеркивается, что социальное пространство сформировано из «комплекса индивидуальных чувств, образов и реакций по отношению к пространственному символизму, окружающему индивида» [3, с. 34]. Одна часть этого символизма конструирует общий образ, разделяемый множеством людей, другая – индивидуальный, связанный со спецификой работы социологического и географического воображения на индивидуальном уровне.

Географическое воображение в планировании городских объектов

Доминанта географического воображения в городском планировании схватывает территории в их синхронности. Реализуемый проект должен быть функционально и визуально целостным, непротиворечивым. Производство пространства [8] возможно только при условии полной синхронизации процессов городского планирования.

Существующая система планирования или проект на пути к реализации оцениваются в соответствии с представлением о рациональности, которая стала ключевым понятием европейской культуры со времен эпохи Просвещения. Идейное и идеологическое значение представления о рациональности легитимировало себя, отодвинув предел возможной критики. Планировщик и его представления превратились в политический инструмент, где «политическая борьба и споры <...> могут быть сведены до технических, и в тогда рациональное решение можно найти без труда» [9, с. 177]. Замена политических решений технократическими – инструмент нейтрализации назревающих общественных конфликтов. При этом его использование «убивает» практики городских дебатов и обсуждений. В этом случае планировщик – носитель и теоретических, и практических знаний. Инструментальная рациональность в рамках экономического планирования городов безоговорочно доминировала с послевоенного времени и до 1970-х годов, не оставляя места для делиберативной городской политики, основанной на публичной коммуникации смыслов. Не утратила такая рациональность своего немалого влияния на городское планирование и сегодня. В середине прошлого века представление о «прекрасном» городе и поиске социальной справедливости сменилось идеей эффективного городского управления, а в своем предельном проявлении – «эффективности ради эффективности». Последнее представляет собой отражение технократической идеологии, связанной со стандартизованными алгоритмическими решениями.

Подобная стратегия тесно связана с содержанием городской политики. Она формируется на основании юридических актов, нормативов и сводов законов. Экономическое городское планирование основывается на нормах: правилах зонирования, экологических нормативах, энергоэффективности, плотности и высотности застройки. Планирование превращается в работу с цифрами, достижением производительности, но не с визуализацией социального порядка. Это – уровень нормативного мышления, а не содержательной направленности

проекта на физический и социальный характер городского пространства.

Экономический подход воплощает собой доминанту географического (пространственного) воображения – он смело манипулирует городскими территориями, перенося проблемы строительства из «поля» реальных городских территорий на бумагу. Зонирование и карточка определяются рыночными интересами, отделяясь от потенциальных социальных конфликтов «на местах». Доминанта географического воображения проявляется в ущерб социологическому воображению, принимающему в расчет специфику общественных отношений.

Данный поход с приоритетом развития экономики характерен для неолиберализма. С ним соседствует ограниченное знание социальной динамики. Некогда ускорившаяся глобализация рынков привела к желанию deregулировать экономический сектор. В развитых странах перенос производства в страны с более дешевой рабочей силой негативно сказался на местном рынке труда и на налогах. Уязвимым слоем все труднее стало противостоять трансформациям городской среды, связанным с перестройкой районов, увеличению стоимости жизни.

Пример яркой артикуляции географического воображения – реконструкция территорий старых доков: Доклендса и Собачьего острова в Лондоне, ставших воплощением идеи глобальных финансовых центров в городе мирового значения. Хронология событий и является схематичным объяснением [10, 11] основных принципиальных решений по городскому управлению и реконструкции данных районов, а стратегия доминирования географического воображения – безапелляционной масштабной работой по перестройке городских районов с приоритетом развития городской экономики.

Чтобы увидеть, каким образом восстанавливала британская столица после Второй мировой войны, важно понять, что в целом «Большой Лондон» пустел из-за оттока людей в пригороды. До 1970-х годов власти стремились переместить центры активности в новые города, после 1970 года – восстановить население Лондона. В модели обновления Лондона экономические силы неизбежно ориентировались на текущий политический климат: ключевую роль всегда играли установки партии, находящейся у власти. Лейбористы были социально ориентированы и являлись сторонниками программ городского планирования с акцентом на строительство социального жилья, поддержку районов с низким доходом и возвращение в город производственных мощностей. Консерваторы поддерживали реализацию «рыночных» проектов – пребывание консерваторов у власти приводило к систематическим «бумагам» строительства. Их регуляторной основой становились программы стимулирования: налоговые послабления, низкие процентные ставки по займам. Кейнсианские идеи теряли свою популярность, повсеместное вмешательство государства представлялось проблематичным. Новой целью сторонников ускорения экономического роста стало уменьшение количества бюрократических процедур.

В середине 1970-х публичные службы страдали от недофинансирования, связанного с оттоком среднего класса в пригороды. Программа радикальных изменений пришла вместе с М. Тэтчер. Именно под ее началом планировщики получили возможность реализовывать стратегию смелого воплощения программ географического воображения. Желание закрепить за Лондоном образ мировой финансовой столицы привело к масштабной deregуляции финансового сектора и в итоге к появлению новых амбициозных проектов строительства. Это привело к образованию зон предпринимательства, упразднению органов работы над социальными проектами. Взамен были созданы Корпорации городского развития

> Рис. 1. Докландс (Лондон) – район победившей артикуляции географического (пространственного) воображения (<https://www.flickr.com/photos/darrellg/49705222803>)

> Рис. 2. Докландс (Лондон). Ночной вид (<https://akwatoria.ru/london/e/>)

(UDCs – Urban Development Corporations), призванные привлекать капитал в наименее благополучные районы Лондона. Такие корпорации стали ведущими органами планирования и обладали полномочиями, превышающими власть местных органов управления. Данная ситуация является примером объединения стратегий экономического планирования и формирования городской политики. Планирование в данной традиции сильно артикулирует синхронность и географию городских процессов, однако слабо учитывает социальные связи и их конкретную реализацию в физической канве города. На практике слабая артикуляция социологического воображения обращается остройми социальными конфликтами, угрожающими стабильности формируемой джентрифицированной среды.

Изменение экономического ландшафта городов, смена типов и видов производства могут приводить к упадку отдельных районов и территорий, а значит, и к нарастающему социальному конфликту. Так, перемещение портовой активности с изменением видов грузов привело к запустению Докландса (рис. 1, 2) – района доков на берегу Темзы. Неблагополучный Восточный Лондон существовал на контрасте с фешенебельным Западным. Социальным программам по выравниванию ситуации препятствовали планы сторонников финансовой глобализации Лондона. В результате преобразований Докландс получил роль третьего наиболее финансово значимого района города, сразу за районами Сити и Западного Лондона. Будучи коммерчески ориентированным, проект наибольшую прибыль принес застройщикам, резидентам нового жилья, сотрудникам разместившихся здесь корпораций. В концептуальной борьбе проектов лейбористов и консерваторов выиграли последние, рассматривавшие этот район как потенциальную область генерации еще большего объема инвестиций.

Однако пример Докландса также показывает, что сильная артикуляция географического воображения еще не говорит об абсолютном подавлении социальных активностей горожан. Даже в такой стратегии планирования может найтись место для институционального участия горожан в формировании и социального, и физического ландшафта города. Это участие часто имеет

формальный характер, заложенный в рамках технократических процедур, но в ряде случаев – реальный, содержательный, благоприятствующий разрешению городских конфликтов. П. Хили, указывая на возможность активного участия граждан в проблемах городской политики, апеллирует к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и формулирует идею совместного планирования (collaborative planning) и конфигурации двух типов воображения – географического и социологического.

Научное мышление и инструментальный рационализм, ассоциирующиеся со сферой экономики и политики, доминируют в современном публичном дискурсе. Инструментально-техническое мышление вытесняет два других важных мыслительных модуса – моральный и эмоционально-эстетический, воспринимаемых в качестве иррациональных, а потому – ненадежных. Превалирование инструментального рационализма приводит к подавлению возможности гражданской коммуникации в рамках формирования городской политики. Единственным способом преодоления данной проблемы становится освоение коммуникативной этики, в рамках которой «планирование становится процессом интерактивного коллективного мышления, осуществляющегося дискурсивно, посредством языка» [1, с. 53].

Элементы делиберативной политики присутствовали в самых амбициозных проектах с доминирующей экономической мотивацией. Например, в том же Докландсе продление ветки метро (Jubilee Line), которое сделало район доступным не только для резидентов и служащих, но и для всех жителей города в целом, стало одним из публичных обязательств застройщиков Докландса. В итоге реализованный план, возможно, и не сократил социальное неравенство в городе, вероятно, даже увеличил его, но превратил необустроенную, заброшенную и опасную городскую территорию в процветающее место на берегу Темзы.

Противоречивость процесса доминирования географического воображения связана с косвенной опорой агрессивных капиталистических проектов на ресурсы общественной сферы, финансируемой государством, а значит, и его гражданами. Раньше часть общественных интересов относилась к отдельным сообществам,

теперь они разрознены и часто индивидуализированы. Складывающиеся обстоятельства становятся причиной множественных конфликтов вокруг реализации проектов городского планирования. Р. Фогельзонг [12], излагая ключевые противоречия, лежащие в основе городских отношений, первым из них называет внутреннее противоречие феномена частной собственности. Оно заключается в неспособности рыночных сил, а значит, и капитала, поддерживать условия собственного существования – существования самого института частной собственности. Циркуляция капитала, происходящая внутри города, опирается на городскую инфраструктуру: автомобильные и железные дороги, мосты, канализационные сети, парки. Все это является частью общественного достояния, сформированного на деньги налогоплательщиков и контролируемого государством. Получается, что городской капитал остро нуждается в государственном и общественном контроле, последовательном планировании и реализации городской политики. Помимо этого, неодинаковое происхождение циркулирующего в городе капитала приводит к тому, что одни представители бизнеса нуждаются в упорядоченности городского пространства, другие – в ограничительных мерах по размещению объектов производства и так далее. Органы управления становятся структурой по организации городского капитала, обеспечивая его бесперебойную циркуляцию. Другое противоречие заключается в процессах в современных городах, которые по своему содержанию одновременно являются проявлениями корпоратократии и демократии. Частный капитал не может быть общественным, но активное проявление гражданских настроений «социализирует» или «обобществляет» капитал, одновременно его контролируя. Городское пространство становится территорией, где систематически реализуются самые маловероятные союзы, которые на языке заявленной концепции представляют собой разные по силе артикуляции воплощения географического и социологического воображения.

Проблемы артикуляции социологического воображения в городском планировании

В городском планировании как в реальной, а не идеальной системе сложно обнаружить абсолютное проявление только одной формы воображения. Однако их практическая реализация связывается с определенными системами задач, способами их воплощения и последствиями. Сильная артикуляция географического воображения указывает на инструментальный рационализм, множество технических расчетов, доминирование норм, количественных показателей и работы с презентациями пространства, нежели с самим пространством (карта, план, зонирование). По мере того как проектировщики все меньше стремятся к обретению и развитию «чувств города» (его наследия, атмосферы, специфики) как у себя самих, так и у горожан, в городском дискурсе создается все больше условий для «вненаходимости» (утраты чувства места) [13, с. 17] как отдельными людьми, так и сообществами. В спроектированной системе развивается дискурс безместности – развития «атопии» (разрушения социального пространства) и, ввиду невнимания к социальному-исторической преемственности в физическом пространстве города, «ахронии» (потери чувства времени) [14, с. 5]. В подобных обстоятельствах актуализируется роль социологического воображения, которое помогает рассмотреть городское пространство, говоря словами Ю. Хабермаса [7], на уровне не абстрактных систем (политики и экономики), а жизненного мира и социальных связей.

Таких представителей урбанизма, как Д. Джейкобс, А. Лефевр, М. Серто и Ш. Зукин, можно однозначно отнести к сторонникам сильно артикулированного социологического воображения и описания практик

повседневности. Глубокий анализ социальных связей позволяет выстраивать одновременно социальную и пространственную топологию города, развивать понимание горизонтальных, иерархических и причинно-следственных связей, а также сообществ, функционирующих в пространстве города, позволяет честно и последовательно взглянуть на социальные противоречия и контрасты.

Городское планирование напрямую связано с организацией социальной стабильности. Поэтому в задачи планирования и городской политики входит предотвращение социальных возмущений, реализующихся в широком спектре гражданского активизма, способного доходить до крайних форм, выражавшихся в погромах и беспорядках. Среди актуальных примеров – забастовки профсоюзных рабочих в Париже, движение BLM (Black Lives Matter) в Нью-Йорке, протесты летом 2024 года в Великобритании. Наиболее резонансные гражданские выступления были связаны с нарушением гражданских и социально-экономических прав, а их усиление зачастую – с наступлением экономической рецессии и депрессии. Не случайно Д. Харви указывает на ряд стратегий, связанных с преодолением городских кризисов [3, 9, 15, 16], попутно предлагая погрузиться в анализ глубинных причин кризисных явлений.

Источники городских кризисов пространственно локализованы в социально неблагополучных районах – местах концентрации жителей с низким доходом и высоким уровнем безработицы. Одним из очевидных механических решений становится расселение таких районов. Однако подобный подход трудно назвать активной работой с социальной средой, поскольку он не предполагает качественных изменений внутри устоявшегося сообщества. Вторым способом достижения стабильности становится преобразование районов за счет последовательного развития «чувства сообщества». Здесь установление порядка должно воплощаться не за счет внешнего принуждения.

Помимо непосредственного построения отношений внутри сообщества, можно действовать среду медиации, субстрат, косвенно играющий коммуникативную роль. В современном городском проектировании именно это является критерием самодостаточности проекта, приближенного к городским утопиям. Так создаются, например, «зеленые зоны», которые (по замыслу) должны восстанавливать силы и душевный баланс местных жителей, ограждать их от побочных эффектов городской жизни – смога, шума и токсичных газов. Между тем отдельные исследователи считают озеленение территорий скорее «мистификацией» [12], нежели установлением реальной связи с природой.

Распределение зеленых зон наиболее наглядно позволяет увидеть в городском пространстве доминирующий тип воображения. Так, в крупных городах с победившим экономическим подходом и пространственным воображением зеленые зоны дефицитны и чрезвычайно дороги. Доступ к природному массиву в городе становится элитарным. Это указывает на сильное расслоение и грозит социальным конфликтом. Одним из подходящих примеров «зеленой» застройки и одновременно «конфликта воображений», поднявшего волну гражданской протестной активности, стало послевоенное строительство района Стайвесант-таун – Питер-Купер-Вилладж в Нью-Йорке (годы постройки – 1942–1947). Протесты были связаны с делами о сегрегации: в данном районе было запрещено селиться афроамериканцам. При этом участниками, выступавшими против подобных запретов, являлись жители, заселявшие данный район. Стайвесант-таун (рис. 3, 4), отличающийся большой площа-дью озеленения, ощущением удаленности от шумного города, считается одним из самых масштабных проектов,

^ Рис. 4. Стайвесант-таун – Питер-Купер-Виллидж (Нью-Йорк). Вид на район сверху (<https://clck.ru/3CgSdt>)

^ Рис. 3. Стайвесант-таун – Питер-Купер-Виллидж (Нью-Йорк) – попытка экспликации социологического воображения (<https://clck.ru/3CgSWz>)

^ Рис. 5. Коин-стрит (Лондон) – район гармоничной артикуляции географического и социологического воображения (<https://clck.ru/3CgTUG>)

> Рис. 6. Башня Окско (Лондон). Общий вид. Реконструированное историческое здание в рамках проекта по обновлению верфи Габриэля (<https://clck.ru/3CgTLc>)

целенаправленно созданных с преобладанием «зеленой» доминанты ландшафта.

Более того, этот период ознаменовался работой в органах по городскому планированию Р. Мозеса, планировщика, вступившего в прямое противостояние с силами городского сообщества Нью-Йорка. Его представления об эффективности городской среды были связаны с активным развитием транспортных сетей и автомагистралей. Вероятно, Д. Харви описал бы его как планировщика, обладающего чрезмерным географическим и недостаточным социологическим воображением. В своем стрем-

лении эффективного управления Р. Мозес не учитывал хрупкого баланса между социальной и экономической составляющими жизни районов, а значит, и не понимал связь планирования с социально обусловленными структурами и формами города.

Артикуляция социологического воображения в городском планировании сложна и чревата потенциальными перверсиями: она может принимать изощренные формы, не налаживающие социальное взаимодействие, но манипулирующие отношениями общества и физического пространства. Имитация доминанты социологического воображения в пространстве города опасна формированием ложного общественного консенсуса, который неизбежно обратится острыми социальными противоречиями. Прогнозирование конфликтов является неотъемлемой частью акцента на социологическое воображение и связано со стратегией преодоления специфики капитализма, «впавшего в вечную зависимость от кризиса» [17, с. 27].

Примерами интеграции яркой публичной позиции общества и активного участия бизнеса, а значит, гармоничной конфигурации географического и социологического воображения, являются районы Лондона Коин-стрит (Coin Street) (рис. 5) и верфь, или причал, Гэбриэля (Gabriel's Wharf) (рис. 6). В конкурсе проектов из двух основных конкурентов победил проект, представленный членами местного сообщества. Победивший проект нельзя назвать в полном смысле социальным, однако основной акцент в нем был сделан на создании частными компаниями публичной инфраструктуры. Район верфи предполагался для временного размещения мастерских и небольшого местного бизнеса, но в итоге превратился в известное общественное пространство арт-квартала. В целом результат реконструкции превзошел ожидания многих. Помимо прочего, в рамках проекта обновления района было произведено восстановление башни Окско (the Oxo Tower) (рис. 7), превращенной в многофункциональное пространство галерей, ресторанов и жилого комплекса. В рамках данного проекта был реализован коммуникативный потенциал сил, формирующих содержание и облик городского пространства. Становится очевидным, что абстрактные системы, раскритикованные Ю. Хабермасом (в данном случае, область политики

и бюрократии), могут сыграть позитивную роль в осуществлении городских проектов. Такое явление П. Хили называет «новым институционализмом», призванным содержательно менять характер городских институциональных практик.

Заключение

Анализ примеров городского планирования Лондона и Нью-Йорка подтверждает существование разных артикуляций воображения – географического, ориентированного на количественные показатели и эффективный менеджмент, и социологического, направленного (в ряде случаев – декларативно) на удовлетворение интересов горожан и городских сообществ. При этом становится очевидной глубокая взаимозависимость между приводимой в действие городской политикой и капитальнымиложениями.

Видна и неразрывная связь регулирующих органов, использующих многообразный инструментарий контроля и стимулирования деловой активности в рамках программ преобразования городских пространств. Строительство центров культурного и финансового притяжения, характерное как для Нью-Йорка, так и для Лондона, связано с созданием не только пространства физического восприятия, но в большей степени – символического дискурсивного пространства, отражающего существующий социальный порядок.

Обновление районов может одновременно служить как непрерывности, так и фрагментарности опыта города. Эта дилемма не может быть полностью преодолена по множеству причин, обусловленных спецификой не только физического, но и социального пространства города. Интеграция двух форм воображения может иметь эффект при направленности «совместного планирования» городского ландшафта на обеспечение экзистенциальной гетерогенности пространства при его функциональной гомогенности. Каждый планируемый сегмент города должен сохранять необходимый функционал при соблюдении интересов всех сторон, вовлеченных в процесс городского развития.

Литература

1. Healey, P. Collaborative planning. Shaping places in fragmented societies. – Palgrave HE UK, 1997. – 358 p.
2. Certeau, M. The mystic fable. Volume two. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – 287 p.
3. Harvey, D. Social justice and the city. – Oxford : Basil Blackwell, 1993. – 336 p.
4. Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. – Москва : Изд. дом Nota Bene, 2001. – 264 с.
5. Friedmann, J. Planning in the Public Domain – New Jersey : Princeton University Press, 1987. – 229 p.
6. Robinson, S., Pallasmaa, J. (eds.) Mind in architecture. Neuroscience, embodiment, and the future of design. – Cambridge : The MIT Press, 2015. – 259 p.
7. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности. – Москва : Весь мир, 2022. – 878 с.
8. Lefebvre, H. The Production of Space. – Oxford : Blackwell, 1991. – 464 p.
9. Harvey, D. The urbanization of capital. – Oxford : Basil Blackwell, 1985. – 239 p.
10. Fainstein, S. The just city. – London : Cornell University Press, 2010. – 212 p.
11. Fainstein, S. The city builders. Property development in New York and London 1980-2000. – Kansas : University press of Kansas, 2001. – 310 p.
12. Foglesong, R. Planning the capitalist city // Readings in planning theory. – London : Blackwell Wiley, 2016. – P. 118–122.
13. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с.
14. Гуревич, П. С. «Безместность человека» // Философия и культура. – 2009. – № 2. – С. 5–8.
15. Harvey, D. Consciousness and the urban experience. – Oxford : Basil Blackwell, 1985. – 293 p.
16. Harvey, D. Rebel cities. – London : Verso, 2012. – 177 p.
17. Soja, E. Postmodern Geographies. The reassertion of space in critical social theory. – London ; New York : Verso, 1989. – 266 p.

< Рис. 7. Башня Оксо (Лондон) (<https://www.flickr.com/photos/rogersg/4618361838/>)